

УДК 82.-1:82.1(470.6)

**ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕПОРТАЦИИ В ПОЭЗИИ КАРАЧАЕВЦЕВ И
БАЛКАРЦЕВ**
UNDERSTANDING OF DEPORTATION IN THE KARACHAY-
BALKAR POETRY

Ф. УЗДЕНОВА*

Резюме

На материале карачаево-балкарской поэзии освещена тема депортации; проанализированы факторы, влияющие на трансформацию художественного сознания; исследована жанровая специфика произведений о выселении.

Ключевые слова: Поэзия выселения, депортация, лиро-эпическая поэма, документализм, фактологическая основа.

Summary

The topic of deportation is presented on the materials of Karachay-Balkar poetry; the factors influencing the transformation of artistic consciousness are analyzed; the genre specificity of the works about the eviction is studied.

Keywords: Poetry about the eviction, deportation, lyric-epic poem, documentary, factual basis.

Тема депортации в карачаево-балкарской поэзии – это область чрезвычайно важного исследования трагической судьбы горских народов, насильственно высланных в Среднюю Азию. Долгое время она по политическим мотивам замалчивалась; сегодня является одной из злободневных в современной литературе и требует глубокого, в конкретике и реалиях, объективного подхода к показу «былого». Многие ученые – историки, литературоведы, публицисты, критики занимаются исследованиями в данной области (Х. Сабанчиев, А. Тетуев, Н. Кагиева, Ф. Байрамукова, Т. Хаджиева, Б. Берберов, М. Чотчаева и др.); сняты фильмы; созданы художественные произведения (романы: «Мост Сыйрат» А. Теппеева (1993), «Голубой типчак» З. Толгурова (1993), поэмы: «Выселение» А. Суюнчева, «Черная пашня» М. Ольмезова, баллада «Камень Карчи» Н. Хубиева и др.).

---

* кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, Нальчик-Кабардино-Балкарская Республика.

Candidate of philological sciences, Kabardin-Balkar Institute of Humanitarian Researches. Nalchik, KBR. ligidov75@mail.ru

Большинство произведений строится на оппозиции Родина – Чужбина. Категория времени в них, по словам Т. Хаджиевой, очень подвижна [1, 47]. Думы, воспоминания, сны о родине явились источником вдохновения для горских поэтов: К. Кулиева – «Сказать мне «Чегем» – словно «счастье» сказать!», А. Турклиева – «Карачай – любовь и боль моя», М. Кудаева – «О Балкария: В имени этом – свежесть утра, прохлада реки!», А. Акбаева – «Кавказ! Ты дом и колыбель моя».

Поэтическое повествование о Холаме, горной реке, свидетельнице потрясений и произвола - лейтмотив стихотворения А. Созаева «Песня выселения». Метафоричность мышления, удачный подбор образных конструкций позволили автору живописно обрисовать состояние речушки, в одночасье лишившейся сосуществующих еще в недавнем прошлом жителей гор.

Ой, Холам черек, ол толган черек,
Къаяга кесин урады,
Халкъыны ызындан къарап Дыхтауум
Жиляу жыр айта турады

Ой, река Хулам, ой полноводная река
Бьется о скалу,
Смотря вослед своему народу мой Дыхтау
Плачевную песню поет.

(Подстр. перевод здесь и далее – Ф.У.)

Поэзия выселения А. Турклиева также пронизана ностальгическими мотивами. Использование приемов аллитерации, гиперболизации придало большую остроту эмоциональным переживаниям поэта при передаче чувства тоски по своей родине, родному краю, оставшемуся за тысячи километров: там, где «на вершинах слышен турий свист», где «бьют нарзаны в роце красных тисов, среди тюльпанов диких и нарциссов» и воздух где «как сердце горца чист» (поэма «Он вырвался из ада»).

Лирико-философская поэма «Алма-Атада чагъадыла алмала» («Зацвели яблони в Алма-Ате») С. Мусукаевой – произведение с выраженной психоэмоциональной нагрузкой. Две страшные трагедии вобрала судьба героини Фатимат – войну 1941–1945 и выселение, унесших жизни ее супруга и четырех сыновей. Сквозная мысль

произведения - нереализованные мечты, связанные с возвращением на историческую родину.

Умут да, жулдуз кибик, батды,
Алай батды жазны ариу кюнюнде.
Туман болуп, босагъа ташха жатды,
Тауну, тешню тынгылата кюйюне.

Желание погасло, как звезда
На ясном небосклоне.
Превратившись в туман, распластавшись на камне у порога,
Обратив к своему горю гору и холмы.

Смысловую полифонию в поэме создает «разложение» лирического «голоса» на воспоминания, сновидения, ожидания. Ретроспективно героиня воскрешает прошлое.

...Родное Чегемское ущелье, под сенью абрикосового дерева резвятся ее дети. Стройные девушки с коромыслами спускаются к реке. Возвратился после окончания учебы старший сын Мухаммат. В глазах отца, супруга ее, гордость. (Столкновение времен, их взаимопересечение – характерный прием в творчестве национальных поэтов).

Фрагментарно автор знакомит с героями и обстоятельствами их жизни (части 5, 6, 8). Но в замысел поэта входит, в большей степени, чувственное отражение действительности, переживание ее лирическим героем. Афористически метко поэтесса выражает подлинное состояние героини в моменты смятения и тревоги:

Эзде кьалгъан - сау болмагъан жарады...
Эзде тургъан-кечилмеген бир азап.

То, что в памяти остается - не заживающая рана...
То, что в памяти – непрощенная обида.

Тоска по родине навечно отлилась в мыслях Фатимат. Снами и воспоминаниями жива ее душа, исполненная радости и отчаяния. На веса положены сердце родной Балкарии, оставшееся там, у подножия великого Эльбруса, и благословенная цветущая Алма-Ата. Радужным мостом (*связующее* между Минги-Тау и Ала-Тау) объята эти два составляющих понятия «родина».

Алма-Атада чагъадыла алмала
Гюлден толуп,тегюледи тегерек
Минги тауда эрийдиле туманла,
Ууакъ болуп,таза болуп ариу кек...

В Алма-Ате поспевают яблоки,
Вокруг полно цветов.
На Эльбрусе тают туманы,
И чистым становится небо.

Следует отметить, что тема раздвоенности чувства – безграничной любви к своей исторической родине (влекущая сердцем естественная потребность в воссоединении с нею) и степным просторам, не менее любившимся за столь длительное сосуществование – находит выражение, в основном, в творчестве поэтов, которых условно, по определению литературоведов, называют «детьми репрессированных родителей». В их числе и автор этой поэмы. Многие из «детей» остались там, прикипев к земле, которая и стала для них родиной, ибо другой они не знали, не успели узнать, или были слишком малы, чтобы помнить. Вернуться на вотчину для них – значит... отправиться в неизвестность.

Без преувеличения можно сказать, что поэма С. Мусукаевой – новый неординарный подход к изображению исторической действительности: через призму мыслительной деятельности героини показано внутреннее эмоционально-психологическое состояние человека, ввергнутого в отчаяние, сопряженное с трагической двойственностью души. Наполнение фактическим материалом подчинено целям ретроспективного воссоздания той действительности, которая являет истинный покой и ощущение полноты бытия. А это – исконная земля, Родина. Несмотря на то, что «заявлен» главный герой, и существует объектное пространство, настоящий объект изображения – это эмоция, движимое автором чувство, вложенные в уста и сердце Фатимат. В ее образе черты сотен горянок, унаследовавших горечь разлуки, порывы тех, кто не в состоянии превозмочь боль сердца и «зов» земли предков.

Следует отметить, что поэзия выселения, несомненно, имеет под собой историко-документальную основу. Устами очевидцев слагались песни-кюу, поэтами старшего поколения создавались

лирико-публицистические произведения, отражавшие драматические реалии истории народа, поэтами современности психологически осмысливались факты и «разрушительные» (в первую очередь, для души) последствия национальной катастрофы. С этой позиции поэма М. Ольмезова «Къара сабан» («Черная пашня») – объемное, лиро-эпико-драматическое произведение с национально-онтологической проблематикой и документальной основой.

Поэма состоит из 13 частей. Символично обращение к «Минги Тау» (воплотившем в своем объектном универсуме представление о Родине) в начале «повествования». Минги-Тау и Беш-Тау эл (пять горских обществ) – свидетели трудной судьбы народа (нашествие Чингиз-хана, налет крымских ханов, мухаджирство и другие моменты истории края).

- Минги-Тау, сен анданмыса чал?
- Хау, андан ма, жашым.
- Эльбрус, от того-то ты сед?
- Да, сын, оттого.

Эпическое повествование выводит нас на одного из главных героев поэмы. Махмут, уважаемый в народе человек, в свое время был активным участником борьбы за Советскую власть, в горах он организовал колхоз. Его жизненный девиз – «В единстве – мощь» («Бирликде – тирилик»). Работая не покладая рук, вырастил трех сыновей. Но надежда и ратовство за светлое «завтра» обернулись для него разочарованием и болью: «Тюзлюкню къамчилеп, / кешинлеп, / О терслиг ат ойнатхан заман!» («Время, когда справедливость избита нагайкой, / стреножена!»)

...Репрессии, тюрьмы, массовые аресты... Сыновья Махмута на фронте. Первый удар по сердцу матери – погиб сын Мурат. А второй... восьмое марта 1944. Офицер срывает одеяло со старого Махмута, не дав сделать глотка айрана, торопит в дорогу.

И здесь, с особой силой, «вступают» трагические излияния людей, ввергнутых в пучину беззакония, отчаянно устремивших свои взоры к высшим силам (прием лиризации):

Бу зарауатлыкъны керюп,
Бахсан суу къутурмады къалай,
Элия да урмады къалай?!
Бу зарауатлыкъны керюп,
Аргыкълыкъ бюгюн таулада той
Этерик, къутсуз бетин ачып.

Увидев такой произвол,
Как река Баксан не всколыхнулась,
Молния не ударила как?!
Насилие сегодня в горах
торжествует, обнажив безобразное лицо.

В истории развития балкарской поэзии использование данного приема наблюдается в произведениях преимущественно балладного характера. (К примеру, у К.Отарова: «Почему небо и земля допустили это?!» («Бледнолицая девочка»). Эмоциональное напряжение достигается, главным образом, риторическими обращениями и восклицаниями. Иногда они сочетаются, как в нашем случае, и тогда достигается желаемый эффект усиления мысли и чувства лирического субъекта. Эпифора также «содействует» максимальной концентрации на объекте, придавая большую выразительность его передаче («Бахсан суу кьутурмады *кьалай*, / Элия да урмады *кьалай?!*») [2, 59].

...В траурном молчании горы. Что это? Возможно ли? Небо, расколовшись на кусочки, упало на землю?! Пожар ли охватил пять Горских обществ?! Авторская мысль целиком и полностью движется в драматическом ключе, до предела накаляя атмосферу происходящего.

... Эшелон трогается. ... Кульминация и...развязка:

Атылып
кьалгъан
кьуру
бешик
тебренди...

Брошенная
пустая
колыбель
качнулась...

Образ покачивающейся пустой колыбели имеет магическую генеалогию, связанную с представлениями народа о кармических процессах жизни. «По народному поверью покачивание пустой колыбели табуировано, ибо это может привести к трагедии вырождения... Колыбель – это архетипический образ «гнезда» человека и человечества в целом, и его раскачивающаяся

опустошенность – это символ угрозы опасности не только отдельному этносу, но и всем потомкам Адама и Евы» [3, 20].

...Опустели Карачай и Балкария. Поселок Эльбрус стал Елбузи, г. Карачаевск – Клухори.

... Барачные поселения, голод, справка о невыезде, комендантский режим.

В характерной для драматической поэмы манере выражается столкновение человека с трагическими обстоятельствами жизни, его переживаниями. Трагедийное начало обнаруживается не столько в сюжетоописании, сколько во внутреннем «монологе». Душевный дискомфорт и боль людей, испытавших унижение и горечь разлуки, передаются с помощью метафоры и сравнений: «Жангы Ай къара булутлада къалды, бичакъ жарача, къанай!/ Кюн чакъмады...»/ «Новый месяц в черных тучах остался, как ножевая рана кровотока! / Не настал день».

В основу поэмы положены реальные факты из истории жизни горского народа, насильственно высланного в Среднюю Азию. Материал подается в хронологической последовательности, привлекаются архивные документы. Каждая часть отслеживает определенный отрезок времени, связанный с конкретными событиями и героями («Уруш» («Война»), «Мазан» (по имени героя), «8-чи март 1944 ж.» («8-е марта 1944 г.»). Но есть и условно обозначенные главы: «Къара чеп» («Черный список»), «Къара сабан» («Черная пашня»), где лексема «черный» обладает особым накалом, обретая характерный фразеологический окрас («Биреуге къара сабан сюрюрге» – «Пачкать кого-либо, компрометировать»; «Къара чепге сал» – «Взять на заметку как неблагонадежного»).

Завершающая 13-я глава возвещает о справедливости, восторжествовавшей после 13-летнего произвола (автором приводится декларативный Акт Верховного Совета СССР о признании незаконными и преступными действия против народа, подвергшегося насильственному переселению).

«На сегодняшний день в отечественной культуре сложился эпос выселения со своими устойчивыми жанровыми признаками. Лирические, эпические и лиро-эпические произведения о депортации возникли как выражение исторического сознания народа, имея целью возвеличить социальные и нравственные идеалы народа» [3, 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаджиева Т.М. *Тема выселения в поэзии Кайсына Кулиева* //Сб. материалов научно-практ. конф. Нальчик,1998. С. 47-52.
2. Узденова Ф.Т. *Современная балкарская поэма: тенденции развития*// Вопросы кавказской филологии. Нальчик, 2009. Вып. 6. С. 54-69.
3. Берберов Б.А. *Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии*: автореф. дис.... к. филол. н. Нальчик, 2002.